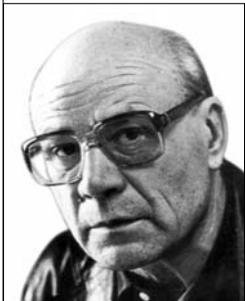

УЧЕНЫЕ СВЕТ И УЧЕНЫЕ ТЬМА

И.В. Бестужев-Лада

Очередная статья проекта, посвящённого памяти известного учёного, публициста И.В. Бестужева-Лады, поднимает острейшую проблему — оптимального, научно обоснованного содержания школьного образования. На это автор статьи обратил внимание более полувека назад. Именно он, а не тогдашняя Академия педагогических наук (как, впрочем, и нынешние РАО и Минобрнауки), задался вопросом: сколько физики, математики, химии и других учебных дисциплин нужно школьникам для жизни? Ответ на этот вопрос общество, дети и их родители — основные «заказчики образовательных услуг» не получили до сих пор... Хотя автор дал некий алгоритм движения к ответу на этот вопрос. Оттого все эти полвека наше образование напоминает старый одесский пароход «Тургенев» (из рассказа К. Паустовского): он опасно кренится с борта на борт под тяжестью отплывающей публики, которая перебегала с одной стороны палубы на другую, чтобы ещё раз махнуть платочком оставшимся на берегу...

Под таким заглавием один молодой кандидат наук (не педагогических) полвека назад принёс рукопись в редакцию газеты «Известия». Бегло просмотрев, редактор вернул её автору с вежливым пояснением: «Советские газеты антисоветские статьи не печатают». Хотя автор и не помышлял о чём-то антисоветском. Он признавал в рукописи, что советская система образования была и остаётся одной из сильнейших в мире. Вместе с тем, указывал на наличие в ней некоторых... ну, скажем, несообразностей, что ли, — которые с позиции элементарного здравого смысла просто непостижимы.

Например, зачем такая прорва иксов-игрексов-синусов-косинусов каждый день много часов, если заведомо известно, что 90% выпускников средней школы (считая половину попавших в вузы) никогда в жизни не вспомнят о них? Да и из оставшихся лишь считанным процентам придётся мыкаться с этой заумью. Зачем столько времени на бесчисленные задачи и формулы по физике и химии, если лишь доля процента станет физиками и химиками? Зачем такая неудобоваримая биология, если в биологии пойдёт отнюдь не больше? Зачем «литература», больше смахивающая на милицейские протоколы и заведомо отталкивающая школьников от собственно литературы, вообще от искусства? Зачем «история», состоящая из скучного перечня имён и дат, которые

тут же улетучиваются из памяти? Зачем «география», сообщающая, что в Ливерпуле — одна промышленность, а в Манчестере — несколько иная (и через несколько лет всюду вообще станет иной)? Зачем «иностранный язык» в час — то бишь в неделю — по чайной ложке, с выходом в свет по этой части такой же девственницей обоюбого пола, какой пришёл в школу? Зачем издевательство над человеком под гогот класса под видом пресловутой «физры»?

И почему не преподаётся ровным счётом ничего, в чём так отчаянно начинает нуждаться молодой человек по выходе из школы (даже раньше)?

После такого афронта автор за последующие полвека ни разу не написал ни одной статьи по собственной инициативе. Зато его разными способами заставили написать и напечатали более двух тысяч статей по различным темам, в том числе несколько сот — именно по этой (не считая двух книжек и полудюжины брошюр по ней же). И ведь не один же он тщетно вопиал в российской пустыне! Сказать, что наша школа не претерпела за эти полвека никаких изменений, было бы преувеличением. Но и сказать, будто все перечисленные выше несообразности остались в прошлом — тоже. Российская система образования по-прежнему одна из сильнейших в мире. И по-прежнему страдает теперь уже почти вековыми пороками, против которых и учителя, и их начальство, до правительства включительно, полностью бессильны. Потому что существуют причины, которые посильнее учителей, их начальства и родителей (т.е. граждан страны), вместе взятых.

А ведь пороки нешуточные. В печати приходилось встречать оценки специалистов, согласно которым школа превратилась во второй по масштабам (после «неблагополучной семьи») социальный источник преступности, а за последнее десятилетие — в самую отвратительную разновидность «чёрного рынка». Как говорится, есть от чего в отчаянье прийти.

Полвека назад думалось, что всё это от недопонимания пополам с недоразумением. Сегодня богатый жизненный опыт показывает, что смысл

в этой бессмыслице всё же есть. Только его трудно раскрыть и ещё труднее — поправить.

В английской армии минувших веков на чин офицера, дающий право командовать ротой или батальоном, надо было покупать патент, стоимость которого равнялась почти годовому доходу «средней» семьи. Казалось бы — самоубийственная глупость: ведь дурак с тугим кошельком погубит армию! Но там требовался не только патент, а ещё и согласие офицеров полка, не говоря уже о начальстве. А патент надёжно «отсекал» выходцев из «низов», оставляя командные посты в руках аристократии.

В Древнем Китае экзамен на должность чиновника требовал многолетней зубрежки целой горы классических текстов, абсолютно бесполезных в жизни. Казалось бы, таким способом китайцы сами себе копают могилу, потому что для управления государством нужны способности, а не цитаты. А на деле таким путём воспитывалась армия безынициативных чиновников-автоматов, которые больше тысячи лет механически выполняли указания свыше и застопорили развитие страны. Казалось, Китай застыл в своей неизменности навеки (к чему и стремились). Но такое удальствие обошлось впоследствии слишком дорого.

В царской гимназии латинский и древнегреческий мог понадобиться в жизни доле процента выпускников. Зачем же мучили остальных? А затем, что таким способом от гимназии отсекали «кухаркиных детей», которым такая бессмысленная роскошь была не по карману.

Примерно такой же глубинный смысл лежит в бессмыслице нашей школы. Напомним, что она создавалась в 1920–30-х годах, когда обстановка была иная, и задачи, стоящие перед школой, соответственно, тоже. Жизни учила тогда давно (в 60–70-х годах прошлого века)

исчезнувшая «домашняя школа», существовавшая в каждой многодетной семье, каких было подавляющее большинство. Там профессия (включая профессию родителя), мировоззрение, стереотипы сознания и поведения передавались как бы по наследству, из поколения в поколение. Кому мало было «домашней школы» — шёл учеником в ФЗУ (фабрично-заводское училище) или непосредственно учеником на производство. Короче, с обычными («недипломированными») специалистами особых хлопот не было — их каждый год приходило подростками из семей навалом, да ещё в условиях огромной безработицы, которую с трудом сделали «скрытой», посадив на многие рабочие места по два и более кормильцев семьи (с соответствующей зарплатой).

А вот с «дипломированными» была отчаянная проблема. Дело доходило до того, что инженеров приходилось выписывать из-за границы «на золото», как предметы роскоши. Меж тем было во всеуслышание объявлено, что вот-вот — и мы будем «при социализме», а там и «при коммунизме», где никаких «недипломированных» не предполагалось — сплошь «всесторонне развитые личности».. Соответственно формировался социальный заказ школе.

Если бы у нас была хоть капелька совести, мы бы давно сменили вывески на всех шестидесяти тысячах наших школ. Вместо пустословной «средней общеобразовательной» написали бы честно: «подготовительные курсы в вуз». Ибо всё, о чём писалось выше, преподаётся не для будущей работы, вообще не для жизни, а с единственной целью: сдать приёмный экзамен в вуз и навеки забыть об этом кошмаре. Теперь понятно, почему с утра до вечера каждый день такая абракадабра?

Но позвольте, спросит очень дотошный ныне читатель, ведь на экзамены в вуз идут далеко не все абитуриенты, выдерживает их не более 20% выпускников, из которых не менее трети «отсеиваются» если

не с первой, то наверняка со второй сессии. А уж работать по специальности вообще идут сплошь и рядом считанные проценты. Ибо в вуз и далее сегодняшней студент идёт вовсе не за специальностью, а по сложному комплексу причин, которые требуют особого разбора. И зачем тогда вся эта морока, доставшаяся нам в наследство от времён, весьма отдалённых?

Прежде чем спорить по этому поводу, давайте зададимся некоторыми вопросами, которые неоправданно представляются само собой разумеющимися.

Почему повелось отдавать детей в школу с 7–8 лет (теперь даже раньше)? Потому что именно с этого времени их можно было начинать учить читать, считать и писать — это «домашней школе» было не по силам. А до этого они одолевали уйму жизненных наук при помощи старших в семье. Теперь «домашняя школа» приказала долго жить, а мы делаем вид, будто она ещё существует, и ребёнок до семи лет находится в ней или в детсаде, куда его сдают, как в камеру хранения, за особую плату, словно он не человек, а чемодан: хочешь, плати и сдавай — не хочешь, пусть пропадает пропадом в дворовой мафии. Нечего сказать, заботливые мамы и папы, разумные граждане страны!

Почему повелось выпускать молодых людей из школы в 17–18 лет (теперь даже раньше)? Потому что аккуратно в это время парни шли в армию, а девки — замуж. Теперь в армию идут 14% абитуриентов (меньше, чем в вузы), а замуж в эти годы — ещё меньше. Потому что семья в развале и две трети даже тех, кому сильно за двадцать, в лучшем для них случае живут гражданским браком без детей. А то и вообще изображают из себя Герасима без своей Муму.

Что прикажете делать этим особам в их 17 лет? На работу им трудно приткнуться: у нас и без них несколько миллионов

безработных, «общеобразовательная» школа никакой квалификации и даже элементарной профориентации не даёт, а малодетная семья (90% наших семей!) ни за что не пустит своего ненаглядного (ненаглядную) на непрестижную, пусть даже прилично оплачиваемую, работу — предпочтёт держать на своей шее до самой его, любимого чада, пенсии. Вот и остаётся у 17-летних только три пути: либо годами на родительском диване у родительского телевизора, либо в дворовую компанию с высоким шансом оказаться сначала «на игле», а потом и на скамье подсудимых, либо на студенческой скамье — любой, лишь бы подальше от только что помянутой (и от армейской «дедовщины» тоже). И это называется «высшим специальным образованием»? И нам не стыдно за такую профанацию, за такой дикий ажиотаж под лозунгом «спасайся, кто где и как может!»? Ну, а там, где ажиотаж — там сразу же «чёрный рынок», чёткая такса за поступление, за экзамен, за «корочки»...

Неужели нет выхода из этого вопиющего безобразия? Нет, почему же — теоретически выход простой и лёгкий. А вот практически ...

В секторе социального прогнозирования Института социологии Российской академии наук (этого сектора больше не существует) в 1995—2000 гг. провели мониторинг — многократный опрос наиболее авторитетных экспертов по разным методикам — на тему «Ожидаемые и желаемые изменения в системе народного образования России». И даже выпустили по результатам опроса книгу под якобы интригующим названием: «Нужна ли школе реформа?» Опрос показал, что эксперты не только понимают серьёзность школьных проблем — покажи им эту статью, они, наверное, обвинили бы автора в «приукрашивании действительного положения дел, гораздо более плачевных» — но и предлагают более или менее конструктивные, отнюдь не фантастические решения.

В частности, прозвучало предложение создать особую подсистему образования родителей (на началах самокупаемости). Образование будущего родителя начинать со школьных лет, с особым упором на информацию об особенностях половых отношений. А завер-

шать стажировкой молодых родителей в роли помощника воспитателя детсада и учителя начальной школы (по внеклассной работе).

Было и предложение об особой подсистеме всеобщего дошкольного бесплатного образования детей 3—6 лет. С детальной методикой и даже с успешными экспериментами, не получившими, впрочем, никакого развития.

Слышались пожелания полнее учитывать специфику начальной школы («Осторожно! Дети!!») и упразднить неполную среднюю школу для подростков 10—14 лет, преобразовав её в полную, поскольку в 14 лет молодой человек сегодня получает паспорт гражданина страны. А гражданин без аттестата зрелости — это такой же абсурд, как пенсионер без пенсии.

Самые отчаянные страсти разгорелись по поводу судьбы молодых людей 15—20 лет (не путать с пресловутыми мифическими «детьми до 16 лет», которых в природе не существует). Большинство экспертов рекомендовало для них профессиональный колледж, со сдачей профильных и общеобразовательных минимумов, как у аспирантов, с основательной производственной практикой и затем ещё более основательной стажировкой по месту будущей работы, завершающейся соответствующим сертификатом (дипломом колледжа). Важное место в эти годы должна занимать военно-спортивная подготовка на таком уровне, чтобы в итоговом аттестате красовалась квалификация по меньшей мере ефрейтора. И для юношей, и для девушек (современная война различия полов не признаёт). И разумеется, безо всякой проклятой рекрутчины, до сих пор позорящей нашу страну. Резерв на случай «большой войны» может готовиться безо всякой казарменной «дедовщины» (например, в форме сборов «гражданской гвардии»). А армия должна быть профессиональной, куда по конкурсу набираются счастливчики старше 21 года.

Эксперты дружно выступили против профанации у нас в общем-то разумного института бакалавров и магистров. Сначала бакалавр, потом специалист — это из истории щедринского города Глупова. На самом деле бакалавриат (2/3 выпускников колледжа, пожелавших продолжать образование) — это два года работы над диссертацией (плюс лекции, семинары и сдача минимумов на более высоком уровне) и столько же производственной практики по месту будущей работы. Магистратура (четверть студентов) — это ещё два плюс два года. Наконец, докторантура (несколько процентов) — это ещё такая же порция. С тем, чтобы все эти мытарства заканчивались самое позднее к 26–28 годам жизни и чтобы мир больше не покатывался со смеху над нашими «соискателями» предпенсионного и даже глупо пенсионного возраста.

Говорили эксперты и про никудышнюю у нас подсистему повышения квалификации и переподготовки кадров (хотя все знают, что любые получаемые знания ныне стареют за считанные годы), и про подсистему общего образования взрослых (давно более не существующую, но по-прежнему остро необходимую), и про подсистему так называемого дополнительного образования, которая может и должна стать не дополнительной в виде густой сети школьных клубов по интересам. Но больше всего говорилось о порочности образования огулом — «всех под одну гребёнку». Разве не ясно, что учащийся должен иметь право выбирать между несколькими программами — базовой, «продвинутой», «профессиональной» либо одной из десятков коррекционных (например, для слабо видящих или слышащих), либо вовсе даже «ознакомительных» (скажем, учебник по высшей

математике для тех, кто, как автор статьи, абсолютно к ней неспособен).

Не секрет, что наша школа слишком консервативна, чтобы принять без боя такие нововведения. Сказывается и подготовка учителей, и косность родителей, готовых в гроб положить любимое дитя, лишь бы оно принесло медаль, как кутёнок с выставки собак (в глазах родителей никакой разницы между этими двумя любимцами нет), а затем любой ценой — любой! — пресловутые «корочки», чтобы сделать короче путь к престижной синекуре. Но ныне научно-технический прогресс позволяет обойти с тыла косность и учителей, и родителей. Мы имеем в виду Интернет, открывающий перспективу индивидуального подхода к каждому — буквально к каждому! — учащемуся, сообразно его склонностям и способностям.

Говорят, чтобы успешно одолеть кошмарные глобальные проблемы современности, необходим переход к качественно новой цивилизации, альтернативной существующей. Так вот, может быть, в состав этой последней может органически войти система образования, альтернативная огорчающей нас ныне своими пороками?

Для ответа на этот вопрос в системе секций Педагогического общества России недавно создана Секция проблем заочного и дистантного образования (на базе Интернета, но, разумеется, не только на ней одной).

Посмотрим, каковы будут рекомендации после соответствующих разработок членов этой секции. **НО**